

Информатические опусы. Опус 8. Концепции информационного общества

Рассмотрены типичные историсофские, технократические и гуманистические концепции информационного общества, представленные в отечественной и зарубежной науке.

Ключевые слова: информационное общество, постиндустриальное общество, историсофские концепции, гуманистические концепции, ноосферология.

Массив публикаций (научных статей, монографий, сборников докладов, обзоров и т.д.), так или иначе связанных с информационным обществом, поистине необозрим, и было бы непростительным легкомыслием претендовать на более-менее полный охват соответствующих футурологических произведений. Поневоле придется ограничиться анализом только тех концепций, которые, по моему субъективному мнению, являются авторитетными и типичными интерпретациями грядущего информационного общества, бытующими в мировом научном сообществе.

На мой взгляд, концепции информационного общества делятся на историсофские и прогностические. Историсофские исходят из глобального взгляда на историю человеческой цивилизации, а прогностические ограничиваются рассмотрением конкретного образа информационного общества. Прогностические, в свою очередь, в зависимости от исходных установок их авторов подразделяются на технократические, исходящие из принципа технократического детерминизма, и гуманистические, отдающие приоритет гуманистическим идеям. Для удобства рассмотрения разделим концепции на три группы: 1) историсофские, 2) технократические, 3) гуманистические.

Историсофские концепции

Историсофия (философия истории) – раздел философского знания, связанный с постижением смысла и закономерностей исторического процесса. Предмет историсофии – соотношение прошлого, настоящего и будущего. Классическая философия истории опирается на три основополагающих принципа: а) единство судеб человечества, которое выражается понятием *всемирно-исторический процесс*; б) целостность и преемственность исторического процесса во времени; в) непрерывность социального и культурного прогресса. Историсофский подход реализован в трудах таких признанных теоретиков постиндустриального общества, как Д. Белл, О. Тоффлер, В. Л. Иноземцев.

Грядущее постиндустриальное общество Д. Белла. Даниел Белл (род. 1919) – основоположник концепции постиндустриального общества, которая изложена в двух книгах, признанных в научном мире выдающимися достижениями социологической мысли: «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) и «Культурные противоречия капитализма» (1976). В первой монографии, имеющей подзаголовок «Опыт социального прогнозирования» и изданной в 1999 г. на русском языке, содержится интересующая нас концепция постиндустриального общества [1].

Роль исходного постулата в теории Д. Белла выполняет стройная и логичная *историсофская триада*: доиндустриальная – индустриальная – постиндустриальная стадии (эпохи) развития человеческой цивилизации. Обосновывая эту триаду, Д. Белл сопоставляет отличительные признаки каждой стадии. Суть доиндустриального общества он видит во «взаимодействии человека с природой» в форме традиционных, передаваемых из поколения в поколение приемов неквалифицированного труда, обеспечивающих добычу и обработку натуральных продуктов для удовлетворения самых насущных потребностей.

Индустриальное общество представляет собой «взаимодействие человека с преобразованной природой», когда добыча натуральных продуктов вытесняется искусственным производством востребованных обществом изделий и услуг, которое требует квалифицированных работников и соответствующего энергетического обеспечения. Наконец, обитатели постиндустриального общества практикуют «игры между людьми», где все сферы человеческой деятельности неразрывно связаны друг с другом, основной производительной силой становятся инженеры и ученые, а главным социальным ресурсом – информация и

знание. Поскольку обмен информацией и знаниями, как отмечает Д. Белл, происходит в постиндустриальном обществе «в основном при помощи телекоммуникации и компьютеров», резонно назвать это общество *информационным*.

Д. Белл прогнозировал следующие особенности постиндустриального (информационного) общества:

- центральная роль *теоретического знания и интеллектуальных технологий*, основанных на электронной компьютерной технике, беспрецедентное влияние науки на рост валового национального продукта и социально-культурный прогресс. Автор подчеркивал: «Если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриального»;
- преимущественное развитие *сферы услуг* (третичный сектор) по сравнению с первичным сектором (добывающие отрасли и сельское хозяйство) и вторичным сектором (обрабатывающая промышленность и строительство). К сфере услуг относятся: торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия развлечений, а также области информационной деятельности – научные исследования, образование, государственное управление; суммарное число работников в различных областях сферы услуг составляет более 50% от всех занятых в народном хозяйстве;
- во всех секторах значительно возрастает доля «белых воротничков» – квалифицированных специалистов умственного труда, причем образованные специалисты представляют собой не столько новую социальную группу лиц наемного труда, сколько особый *интеллектуальный слой*, который может рассматриваться как *профессионально-технический класс*; этот класс состоит из четырех сословий: научного, технического, административного и культурного, которые объединяет общая этика, но взаимопонимания между ними нет;
- в связи с повышением роли образования и науки открывается путь для зарождения *меритократии*, когда человек может занять престижное положение не столько по праву наследования или собственности, как было раньше, а благодаря личным талантам и квалификации; соответственно, политическая система, унаследованная от индустриального общества, должна трансформироваться в «демократическую меритократию»;
- коренным образом изменяется характер труда: если в индустриальном обществе в процессе производства товаров люди по необходимости были придатками машин, то в постиндустриальном обществе труд впервые в человеческой истории становится главным образом *межличностной коммуникацией*, свободным общением, приносящим работникам удовлетворение от трудовой деятельности;
- если в индустриальном обществе постоянно ощущался дефицит товаров, что обуславливало конкуренцию людей за недостающие блага и порождало социальную напряженность, то в постиндустриальном недостатка товаров не будет, но будет ощущаться недостаток информации и свободного времени для удовлетворения духовных потребностей и совершенствования личности.

Д. Белл очень внимательно анализирует достижения научно-технического прогресса и сопутствующие ему социально-экономические изменения для того, чтобы выявить в настоящем реальные приметы будущего. В своей концепции он выступает не как агрессивный технократ, а как трезвомыслящий гуманист. Белл не сомневается в грядущем переходе существующей в США «частнопредпринимательской рыночной системы» к «нерыночной экономике благосостояния», но оставляет открытым «щекотливый метафизический вопрос»: будет ли такой переход «прогрессивным». Исходя из того, что знание представляет собой «общественный продукт» и «коллективное благо», которое, даже будучи проданным, остается у производителя, Белл ставит перед экономической наукой нетривиальную задачу разработки «теории стоимости, основанной на знании». Историческая триада Д. Белла быстро получила признание, хотя наименования стадий варьировались разными авторами по своему вкусу. Пожалуй, в части исторических метафор больше всех преуспел футуролог-журналист Олвин Тоффлер (род. 1929).

Информационное общество как «третья волна» О. Тоффлера. Бестселлером стала увлекательно и доступно написанная книга О. Тоффлера «Третья волна» (1980), которая довольно оперативно, хотя и в сокращенном виде, была переведена на русский язык [2]. Историческую триаду О. Тоффлер представил в виде последовательности *трех волн* человеческой цивилизации:

Первая волна – доиндустриальная аграрная цивилизация, эра которой началась около 8 тыс. лет до н.э. и безраздельно господствовала по всей Земле примерно до 1650–1750 гг. н.э.;

Вторая волна – эра индустриальной цивилизации (середина XVII – середина XX вв.) достигла своего пика в США в середине 1950-х годов, когда количество «белых воротничков» и работников сферы обслуживания стало превышать число «синих воротничков»;

Третья волна – супериндустриальная «цивилизация, рождающаяся среди нас», основанная «на самой передовой технологии и постматериалистической системе ценностей». По словам Тоффлера, рождение новой цивилизации – «единственный и обладающий наибольшей взрывчатой силой факт времени, в котором мы живем», ибо «новая цивилизация несет с собой новые семейные отношения; иные способы работать, любить и жить; новую экономику; новые политические конфликты, и сверх этого – измененное сознание».

Автор называет четыре главных источника могущества третьей волны: компьютерные технологии, космические исследования, освоение ресурсов океана, генная индустрия. Объединение этих источников вместе «высвободит поток инноваций, не похожий ни на что виденное прежде в истории человечества» и создаст «драматически новую техносферу для третьей волны цивилизации». Пророк третьей волны называет информацию «популярным и важным бизнесом в мире», толкует о «революции, охватившей сферу информации», об «информационной бомбе», о «третьей волне информации», которая повлияет на «нашу работу, наши семьи, церковь, школы, политические институты».

О. Тоффлер надеется, что компьютеры послужат противовесом против «мозаичной блип-культуры». Компьютеризованные фонды библиотек и архивов обеспечат не только хранение и поиск, но и обработку (отбор, систематизацию, сопоставление) накопленной информации. В результате должен ускориться интеллектуальный прогресс, и общество «стремительно поумнеет». Правда, автор игнорирует коммерческие аспекты производства и распространения информации, на которые следовало бы обратить внимание.

Нарисованный О. Тоффлером «мир третьей волны» представляет собой, на мой взгляд, «реализацию мечты» американца среднего класса. Он предвидит «деконцентрацию» производства, которая заключается в перемещении рабочих мест из контор в личные «электронные коттеджи», т.е. в жилище работника. Работник, имеющий электронные средства производства в виде компьютера и репрографической техники, превращается, по словам футуролога, из наемного рабочего в предпринимателя, предлагающего свои услуги. Смену места работы он может осуществить простым переключением телеканала.

Тоффлер полагает, что если бы 10–20% работников перешли на режим надомничества, то вся экономика города, окружающая среда, семейная структура, даже политика изменились бы до неузнаваемости. Дети смогли бы подключаться к работе родителей, жена и муж были бы постоянно рядом. Трудовая занятость могла бы распределяться по гибкому графику, в удобное для работника время, в том числе в ночные часы. Вследствие этого уменьшатся стрессовые нагрузки, и повысится комфортность труда. Место громоздких иерархических структур управления, связи, торговли займут автономные функциональные блоки, которые можно легко объединить во временные комплексы любого назначения и столь же легко разукрупнить. Информационно-коммуникационные технологии позволят избавиться от многоступенчатого рыночного посредничества за счет приближения друг к другу очагов производства и потребления.

Проблемам социального управления О. Тоффлер посвятил свою очередную монографию – «Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века» (1990) [3]. Объявив источниками власти физическую силу, деньги, информацию, автор предложил следующую периодизацию: в доиндустриальную эпоху доминирует физическая сила; в индустриальную – денежный капитал; в постиндустриальную – знание, которое производит «мощь высшего качества». Основное внимание в книге сосредоточено на решительном изменении отношения «знание – власть» в эпоху «третьей волны» и трансформациях, происходящих в бизнесе, экономике, политике и мире вообще. Большое внимание уделяется информационным войнам между корпорациями и между политическими силами в локальном и глобальном масштабах. В итоге автор приходит к выводу: конфликт – неизбежное социальное явление в информационном обществе.

Постэкономическая концепция В. Л. Иноземцева представляет собой талантливо и компетентно выполненную интерпретацию историософской триады в футурологии наших дней.

Владислав Леонидович Иноземцев (род. 1968) – российский экономист и социолог, научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, наиболее активный, оригинальный и продуктивный отечественный исследователь будущего. (В 2010 г. список публикаций В. Л. Иноземцева насчитывал более 600 книг и научных статей, изданных в России и за рубежом. Наиболее значительные из них: К теории

постэкономической общественной формации. – Москва : Таурис, Век, 1995. – 336 с.; Очерки истории экономической общественной формации. – Москва : Таурис, Век, 1996. – 400 с.; За пределами экономического общества. – Москва : Academia – Наука, 1998. – 614 с.; Расколота цивилизация. – Москва : Academia – Наука, 1999. – 740 с.)

По достоинству оценив книги своих предшественников-классиков Д. Белла и О. Тоффлера, российский ученый выдвинул собственную концепцию эволюции цивилизационного процесса. В. Л. Иноземцев утверждает, что история цивилизации подразделяется на три огромные эпохи:

- *доэкономическую*, когда основным занятием людей была предтрудовая активность, позволяющая противостоять природе в борьбе за выживание;
- *экономическую*, основанную на труде как осмысленной деятельности по созданию комфортной и безопасной среды обитания; расцвет и начало кризиса экономической эпохи связаны с формированием мощного индустриального сектора материального производства в XX в.;
- *постэкономическую*, соответствующую современности, когда все более весомая часть валового продукта создается благодаря творческой деятельности людей с развитым интеллектом. Творчество особенно ярко проявляет себя в *информационном* секторе хозяйства. Здесь главным производственным ресурсом становится информация, требующая иных, чем прежде, способов организации людей, работающих с ней, иных общественных отношений, иных качеств личности, производящей и потребляющей информацию. Поскольку информация – основа постэкономического общества, правомерно считать его *информационным обществом*.

В. Л. Иноземцев убежден, что сегодня мировая цивилизация находится на пороге перемен, которые «вполне могут оказаться более глобальными и судьбоносными, чем все, ранее пережитое человечеством». Главное отличие постэкономической эпохи он видит в том, что основным источником прогресса выступает не взаимодействие человека и природы, а *внутреннее развитие личности, её самосовершенствование*. Субъектом прогресса становится не социум (общность людей, спаянных экономическими интересами), а совокупность свободных личностей, руководствующихся не утилитарными мотивами, а нематериальными гуманистическими потребностями, ценностными ориентациями и моральными установками.

Для достижения гипотетической постэкономической стадии необходимо осуществить *постэкономическую революцию*, которая, по мнению В. Л. Иноземцева, должна заключаться в следующих кардинальных преобразованиях:

- а) преодоление товарного производства и устранение рыночных механизмов как основных регуляторов общественного хозяйства;
- б) ликвидация частной собственности, которая обуславливает отчуждение работника от средств производства; нужно, чтобы эти средства рассматривались производителями как личная собственность;
- в) исключение эксплуатации, поскольку бескорыстное творческое самовыражение не может быть объектом экономической эксплуатации.

В результате подобной «революции» капиталистическое экономическое общество преобразуется в постэкономическое и посткапиталистическое, которое можно рассматривать в качестве одной из гуманистических гипотез информационного общества. Героем постэкономического общества становится интеллект, которому свойственны следующие личностные качества: во-первых, высокая *интеллектность* (от слова «интеллект»), т.е. добротное образование и развитые творческие способности; во-вторых, ориентация не на материальное богатство и социальную карьеру, а на *самоактуализацию* (А. Маслоу), стремление «соответствовать своей внутренней природе»; в-третьих, под действием стремления к самоактуализации предпочтение отдается *творчеству*, а не труду.

В. Л. Иноземцев выдвигает критерий: «постэкономическое общество возникает там и тогда, где и когда преодолевается труд как деятельность, диктуемая исключительно внешней материальной необходимостью». «Переход от труда к творчеству» он называет «условием и сущностью постэкономической трансформации». Творчество становится экономическим феноменом при выполнении условий: материальные потребности общества удовлетворяются за счет сравнительно небольшой части рабочего времени; наука и знания становятся непосредственной производительной силой, а образованность и духовное творчество признаются

общественными ценностями. Эти условия обеспечиваются благодаря «революционной» деятельности постэкономических интеллектуалов.

В ходе постэкономической революции происходит *интеллектуальный раскол* вновь возникающего общества; не случайно одну из своих итоговых книг В. Л. Иноземцев назвал «Расколота цивилизация» (1999). Прогнозируется формирование двух «вполне оформившихся полюсов социального противостояния»: *высшая страта*, представители которой происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, отличаются высоким уровнем образованности, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, являются руководителями промышленных или сервисных компаний, занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии; *низшая страта*, состоящая из выходцев из среды рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, которые не отличаются высокой образованностью и подвижны, главным образом, материальными нуждами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг, зачастую бывают временно или постоянно безработными.

Доминирующее положение высшей страты обусловлено тем, что её представители контролируют ресурс, который становится важнейшим фактором современного производства – информацию и знание. Интеллектуальный раскол постэкономического общества подкрепляется имущественным неравенством и неравенством в распределении национального богатства, создающими почву для острого социального антагонизма. Социальный конфликт разворачивается не вокруг собственности на средства производства, как в индустриальном обществе, а вследствие неравномерного распределения человеческих сил и способностей, т.е. имеет не экономические, а социально-психологические причины. В. Л. Иноземцев приходит к заключению, что в недрах постэкономической формации изначально заложено антагонистическое противоречие, которое представляется гораздо более фундаментальным, чем противостояние пролетариата и буржуазии. Дело в том, что способности, обеспечивающие процветание представителей высшей страты, не могут быть ни отчуждены, ни перераспределены.

Дополнительный драматизм ситуации придает то, что рабочие не имеют шансов присоединиться к высшей страте, потому что интеллектуальность и образованность достигаются с детского возраста и определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превращается в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую саму себя. (Аналогичная социально-экономическая система, обусловленная господством слоя технократов в постиндустриальном обществе, подробно анализируется в книге: Афанасьев С. Л. Будущее общество. – Москва : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2000. – 568 с.)

Новый мировой порядок в наступившем столетии обусловлен тем обстоятельством, что в последней трети XX в. разработка новых информационных технологий оказалась сконцентрированной в постэкономических странах. Эти страны завоевали особое привилегированное положение в мировой экономике, и им гарантировано процветание, ибо информация и знание становятся основным производственным ресурсом, а природные ресурсы и продукты массового производства обесцениваются. Поэтому беднеющие индустриальные страны оказываются в оппозиции к богатеющим информатизированным государствам, возникает международное противоречие, которое имеет те же корни, что и социальное внутригосударственное противостояние. Следовательно, в планетарном масштабе воспроизводится раскол между слоем интеллектуалов и неинтеллектуальным слоем.

Встревоженный этим В. Л. Иноземцев приходит к выводу о нестабильности мирового порядка в начале XXI в. Он отмечает «беспрецедентное нарастание всех известных форм неравенства», которое проявляется в имущественном расслоении населения развитых стран, формировании интеллектуальной страты, монополизующей главную часть общественного богатства, резком возрастании зависимости развивающихся стран от великих держав, феноменальном разрыве между постэкономическим миром и остальными странами в области технологии. Нельзя не разделить беспокойство нашего футуролога, поскольку его пессимизм обусловлен реальными социально-экономическими и политическими процессами в информатизирующемся мире.

Технократические концепции информационного общества

Технократическое мышление, по мнению авторитетных отечественных психологов, – это «мировоззрение, существенными чертами которого является примат средства над целью, цели над смыслом и

общечеловеческими интересами, техники (в том числе и психотехники) над человеком и его ценностями. Технократическое мышление – это Рассудок, которому чужды Разум и Мудрость» [4. С. 211]. Отличительная особенность технократических концепций информационного общества заключается в том, что они в соответствии с принципом технологического детерминизма исходят из определяющей роли интеллектуальной информационной техники в обществе будущего. Опасность технократизма видится в том, что он означает деградацию гуманности и рост бездуховности в общественном сознании. К сожалению, в современной России возрастает количество рационалистов с технократическим менталитетом.

Нет необходимости дифференцировать технократические концепции информационного общества, ибо все они выглядят, так сказать, «на одно лицо» и заняты перечислением и предвосхищением технических средств, обогащающих грядущее информационное общество. Например, формирование информационного общества связывается с образованием «информационного пространства», которое «определяется следующими основными компонентами: информационными ресурсами, информационно-телекоммуникационной инфраструктурой, системой массовой информации, рынком информационных технологий, средств связи, информатизации и телекоммуникаций, информационных продуктов и услуг, сопряженностью с мировыми открытыми сетями, системой информационного законодательства» [5. С. 5].

Другие авторы перечисляют фактически те же характеристики информационного общества, но в ином терминологическом оформлении: «наличие информационной инфраструктуры, состоящей из трансграничных информационно-коммуникационных сетей и распределенных в них информационных ресурсов как запасов знаний; массовое применение компьютеров, подключенных к трансграничным информационно-телекоммуникационным сетям; подготовленность членов общества к работе на персональных компьютерах; новые формы и виды деятельности, включая куплю-продажу товаров и услуг, связь и коммуникации, отдых и развлечения, медицинские услуги и т.д.; возможность каждому члену общества практически мгновенно получить полную, точную и достоверную информацию; возможность коммуникации каждого члена общества с каждым (электронная почта, «чаты»); трансформация деятельности средств массовой информации, создание единой среды распространения массовой информации — мультимедиа; нивелирование географических и геополитических границ между государствами, становление нового информационного права и законодательства, обусловленного взаимодействием членов мирового сообщества в трансграничных информационно-телекоммуникационных сетях» [6. С. 21, 22].

Технократы настойчиво внушают правительствам и массовым аудиториям, что информационная цивилизация – вершина могущества и счастья человечества. В качестве типичного примера приведу рассуждения *Бориса Борисовича Славина*, председателя правления Российского Союза IT-директоров. (Российский Союз IT-директоров был создан в целях поддержки и развития сообществ и объединений IT-специалистов, а также инновационных и перспективных разработок и внедрений в области ИКТ.) В статье, озаглавленной «Информационное общество как новая общественная формация» и опубликованной в органе Академии народного хозяйства при Правительстве РФ – журнале «Системы управления бизнес-процессами» (2008, № 1), автор исходит из тезиса: «Говорить сейчас о том, что мы живем в эпоху информационного общества, нелепо, но очевидно, что историческая логика эволюции ведет человечество именно к такой самоорганизации, а элементы будущего общества все больше и больше проступают в различных видах человеческой деятельности: в бизнесе, в государстве, в обществе».

Проявление этой «исторической логики» Б. Б. Славин усматривает в следующем: «Вытеснение рутинного труда за счет автоматизации и технологические достижения в части глобализации доступа к накопленной информации создают основу формирования будущего информационного общества, в котором будет возможно оперативно получать информацию обо всем, что происходит или происходило с любым человеком или сообществом в любой точке планеты. Причем такая информация будет доступна без ограничения каждому жителю планеты. ... *Информационное общество*, – подчеркивает автор, – это такая самоорганизация людей, в которой рутинная нетворческая деятельность автоматизирована, а вся информация, накопленная человечеством, доступна каждому» (<http://journal.itmane.ru/node/39>).

В качестве «лозунга просвещенной части человечества», «лозунга движения к информационному обществу» председатель правления Российского Союза IT-директоров призывает принять «свободу распространения информации, равенство в доступе к информации, братство в общении». Отвергая подозрение в утопичности подобного информационного общества, автор ссылается на то, что «принципы его организации имеют

исторические корни – общество первобытных людей было устроено аналогично: никто не утаивал информацию, не делил людей на хороших и плохих, бедных и богатых».

Появление эксплуататорских обществ, когда «человек потерял свободу перед другим человеком», Б. Б. Славин объясняет тем, что было утрачено «право на полный доступ к информации». Оказывается, «смена общественных формаций и технологический прогресс – это результат перераспределения доступа к информации и мотивации человека на улучшение качества своей жизни». «Именно процесс познания и связанный с ним рост информации, – уверяет Славин, – является вектором эволюции человечества. ... Борьба за свободу от эксплуатации человека человеком может быть выиграна только в том случае, когда вся накопленная обществом информация станет реально доступной каждому индивиду».

Получается сказочная идиллия: автоматизируйте рутинный, нетворческий труд, вооружите каждого гражданина мобильным телефоном с доступом онлайн к оцифрованным хранилищам информации – и не станет бедных пенсионеров и богатых олигархов, исчезнут коррупция и национальная вражда, появится изобилие продовольствия, будут сбалансированы рождаемость и смертность. Оказывается, очень просто исключить из жизни цивилизованного человечества экономические и политические кризисы, национальную и религиозную вражду, если повсеместно обеспечить «свободу распространения информации, равенство в доступе к информации, братство в общении», которыми наслаждались первобытные предки.

Невозможно поверить, что подобный утопический симулякр «информационного общества» действительно кажется реальным здравомыслящему предпринимателю в области информационных технологий, каковым является Б. Б. Славин. Но здравомыслящий предприниматель кровно заинтересован в расширении рынка сбыта своей продукции, а идея всеобщей информатизации как универсальной панацеи – отличный рекламный трюк, которым грех не воспользоваться. Поэтому: да здравствует свобода доступа к информации, накопленной человечеством!

Технократические утопии провоцируют антиутопическую реакцию. Поэтика антиутопии, как известно, состоит в гипертрофии и доведении до абсурда благих ожиданий утопистов. Российский мыслитель-диссидент, логик и методолог науки, писатель, автор «социологических романов» Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) приглашает нас в грядущее общество XXI в., которое он именует «Глобальным человеиком» [7]. «Будущее есть кладбище несбывшихся надежд прошлого, – печально констатирует писатель-философ. – Никакого земного рая из информационного общества, как и из полного коммунизма марксистов, не получилось. Зато мусорные свалки прошлых эпох обогатились информационно-интеллектуальными устройствами».

Персональные компьютеры («исповедальники») стали неразлучными спутниками каждого человека, в их памяти материализована и хранится душа их хозяина, включая его сны и «неосознанные мозговые процессы, т.е. подсознание». Умение читать и писать перестало быть признаком культуры, поскольку «с современной техникой можно прослушать любой текст и продиктовать все то, что раньше писали, в особое пишущее устройство». Из глобальной информационной сети легко получить справку по любому вопросу, поэтому считается, что люди носят с собой (именно с собой, а не в себе!) все богатства познания, накопленные человечеством за всю прошлую историю, став таким образом всезнающими сверхлюдьми. «Но это ничуть не препятствует тому, – издевается автор, – что подавляющее большинство таких сверхлюдей являются дураками и невеждами».

А. А. Зиновьев предсказывает, что появятся компьютеры-ученые, компьютеры-писатели, компьютеры-детективы, компьютеры-гангстеры и представители всех прочих видов деятельности, профессий, характеров. Отличие этих роботов-двойников от человека-оригинала будет состоять в том, что первые по производительности интеллектуального труда многократно превзойдут вторых, обладая при этом полной неутомимостью. В конце концов будут изобретены сексуальные дублиеры, точная копия оригиналов. Станет обычной такая ситуация: дублиеры занимаются сексом, а их хозяева спят, беседуют, делают что-либо, испытывая вместе с тем «сексуальное удовольствие в новых, искусственно изобретенных формах».

Научно-технический прогресс не может осчастливить человечество. Социальные различия, антагонизм богатых и бедных сохранятся в постиндустриальной цивилизации, а население незападного мира будет по-прежнему «влачить жалкое существование вне всяких эпох и постэпох». А. А. Зиновьев предвидит в Глобальном человеике ожесточенную борьбу между элитой и трудящимися массами, которая потребует мобилизации всех достижений цивилизации. Духовный мир обитателей информационного общества будет

удручающе беден, ибо их мозг направлен «вовсе не на создание богатств внутреннего мира, а на борьбу за богатства мира внешнего». Стандартные и примитивные культурные потребности среднего человека с избытком удовлетворяют телевидение, видео, кассеты. Сохранятся только те театры, концертные залы и выставки, которые способны вовлечь толпу в массовую истерию и принести доход своим владельцам. Элита обособится в неприступных и комфортабельных поместьях, поскольку «гораздо легче защитить отдельные категории людей от испорченной природы, чем спасти природу от порчи, исходящей от этих людей». Проблема смысла жизни отпадет как бессмысленная и бесполезная. Восторжествует ложь, за счет которой будут кормиться легионы бездарностей, невежд, жуликов.

Антиутопия А. А. Зиновьева – жестокое пророчество. Она утверждает, что созданная человеческим гением мощная техносфера, центральная часть которой – информационно-компьютерный сектор, представляет собой «океан зла», угрожающий существованию человечества. Признаюсь, что «Глобальный человек» А. А. Зиновьева кажется мне более убедительным, чем безмятежные картины «информационной цивилизации», нарисованные оптимистами-технократами. Но жить в «человекнике» очень не хочется.

Гуманистические концепции информационного общества

Представлю особенно ярких и широко известных авторов гуманистических концепций.

Питер Фердинанд Друкер (1909–2005) в 1950-е гг. прославился как основоположник новой экономической дисциплины «менеджмент», которая быстро завоевала признание научного сообщества. Он автор 35 книг, получивших всемирное признание. Непосредственное отношение к гипотезе информационного общества имеет книга «Посткапиталистическое общество» (1995), изданная в 14 странах на восьми языках [8]. В ней Друкер излагает свою историософскую триаду, отражающую революционные изменения роли знания в обществе:

- промышленная революция XVIII в. – «грандиозный переход от ремесла к технологии», мануфактуры стали областью приложения накопленных знаний, что «обеспечило неизбежность и доминирующую роль современного капитализма»;
- революция в производительности труда – «применение знания к организации труда обеспечило взрывной рост его производительности»; в первой половине XX в. «производительность труда в развитых странах увеличилась раз в пятьдесят»;
- революция в сфере управления (менеджмента) – знание превратилось в «реальную полезную силу, средство достижения социальных и экономических результатов»; «знание теперь используется для производства знания, это третий и, очевидно, последний шаг в его преобразованиях, иными словами, знание применяется для систематических нововведений и новаторства».

Последнюю революцию Друкер связывает с появлением менеджеров-интеллектуалов, людей, «отвечающих за применение и эффективность знания». Членами основанного на знаниях общества должны быть люди, обладающие специальными знаниями в различных областях, т.е. «информационные (интеллектуальные) работники». Благодаря эффективному менеджменту, эти люди становятся «новыми движущими силами социального и экономического развития» и способны обеспечить переход от традиционного индустриального капитализма к экономической системе, основанной на знаниях и информации, другими словами, «превращение нашего общества в посткапиталистическое». Как понимать этот вывод?

В книге «Задачи менеджмента в XXI веке» Друкер задается вопросами: «Что означает «капитализм» в условиях господства знания – только лишь деньги или нечто большее? И что означает «свободный рынок», когда подлинным капиталом становятся работники умственного труда, ибо только они владеют знаниями? Работников умственного труда нельзя ни купить, ни продать. Получается, что, представляя собой самую большую ценность, работники умственного труда не имеют «рыночной стоимости», а это означает, что они, конечно же, никоим образом не подпадают под определение капитала». Автор заявляет «с полной определенностью», что «возрастающая роль работников умственного труда и их производительности приведет в ближайшие несколько десятилетий к фундаментальным изменениям в структуре и природе нашей экономической системы». Важнейшие изменения видятся в устранении капиталистической частной собственности и формировании новой системы ценностей современного человека.

Гуманистическая сущность концепции П. Друкера состоит в том, что главным двигателем социально-экономического прогресса признается не информационная техника и даже не абстрактно взятые

информация и знания, а *менеджер* – активная человеческая личность, способная действовать эффективно в условиях данного предприятия (фирмы). Друкер против излишнего доверия компьютерным системам, против «компьютерной эпидемии», он – за интуицию и опыт человека-менеджера. Именно менеджер выступает тем «фактором производства, который обеспечивает конкурентоспособность современных высокоразвитых обществ и экономик». В качестве одной из задач менеджмента в XXI в. он формулирует задачу *менеджмента собственной личности*, включающую самооценку способностей и сильных сторон, определение своего места в организации, выработку стиля работы, коммуникации с сотрудниками, моральные нормы и даже планирование «второй половины жизни» после ухода на заслуженный отдых.

Герберт Шиллер (1919–2000) – американский социолог-марксист – не питает иллюзий относительно эффективного менеджмента, вооруженного информацией и знаниями. Он пишет: «Нет сомнения в том, что сегодня мы производим больше информации, чем когда-либо ранее. Нет сомнения и в том, что подобных средств для создания, хранения, поиска, обработки и распространения информации не было никогда раньше, и это относится как к их количеству, так и к качеству. Замечательна и сложившаяся инфраструктура создания, хранения и распространения информации. Однако, вопреки мнению, что капитализм меняет свою природу, основные императивы рыночной экономики остаются теми же самыми, какие бы изменения ни происходили в технологической и информационной сферах». (Цит. по [9]).

Обосновывая свою точку зрения, Шиллер настаивает, что при анализе характера и перспектив новых информационных технологий нужно исходить из ответов на вопросы: кому эти технологии выгодны и в чьих руках сохраняется контроль над их применением? Ответ очевиден: в обществе, где происходит информационная революция, господствуют транснациональные корпорации (ТНК), которые развивают ИКТ *в интересах частного бизнеса*, а не в интересах общества.

Рыночные принципы, и прежде всего стремление к максимизации прибыли, работают в информационной сфере. Давление рынка сказывается на решениях, какого рода информацию нужно производить, для кого и на каких условиях. Новые технологии не возникают спонтанно сами по себе, их ассортимент и функциональные возможности создаются по заказам ТНК. Коммерциализация информационной сферы приводит к тому, что информация и информационные технологии в капиталистическом обществе создаются для тех, кто может за них платить. В обществе «плати за все» на первый план выходит платежеспособность. Чем выше положение человека в социальной иерархии, тем богаче и разнообразнее информация, к которой он получает доступ. Информационное неравенство ощущается и на уровне государств. Промышленно развитые страны, в которых сосредоточена основная часть мирового богатства, получают основные преимущества от информационной революции.

С точки зрения исследователя-марксиста, больше всех от информационной революции выиграли крупные корпорации в передовых капиталистических странах. Располагая мощной компьютерной техникой, эти корпорации могут позволить себе комфортный телекоммуникационный сервис на основе совершенной технологии электронной обработки информации. Однако информационные массивы, созданные корпорациями, являются их частной собственностью, и многие важные результаты маркетинговых и научных исследований остаются недоступны обществу.

Гуманист Шиллер с возмущением пишет, что «огромные частные информационные службы, масса посредников, невероятное количество перерабатываемой специальной информации служат только для того, чтобы заработать побольше денег на бирже, чтобы ввозить и вывозить деньги за рубеж».

Помимо экономики, еще одна процветающая область специальной информации – военная сфера и военно-промышленный комплекс. Основная масса развлекательной продукции (голливудские фильмы, сенсации и боевики, «мыльные оперы» и сериалы, спортивные передачи), во-первых, доступна только на коммерческих (рыночных) условиях, во-вторых, служит для маркетинга товаров ТНК. Герберт Шиллер приходит к выводу, что информационная революция стимулировала развитие потребительского капитализма, продукт которого – эгоистическая личность, чей кругозор ограничен личной жизнью, а не заботой об общем благе.

Ноосферология А. Д. Урсула. Мысль о перерастании естественно сложившейся социальной духовности в ноосферу (сферу разума) более столетия волнует ученых-гуманистов. Идеей общечеловеческого мирового разума увлекались А. Эйнштейн, А. Бергсон, Г. Уэллс. Академик В. И. Вернадский (1863–1945) трактовал ноосферу как естественную стадию развития биосферы Земли, по достижении которой окружающая людей

природа будет рационально преобразована научной мыслью и коллективным трудом человечества для максимального удовлетворения его растущих материальных и духовных потребностей [10].

Было бы странно, если в современную информационную эпоху ноосферогенез происходил без участия информационного фактора. Закономерно, что наши философы-информатики А. Д. Урсул и Э. П. Семенюк уделили ноосферно-информационной проблематике повышенное внимание [11–14]. Особенно глубоко продумана и философски обоснована концепция Аркадия Дмитриевича Урсула, представляющая собой стратегическую программу выхода человечества из системного кризиса «на экономическом, экологическом, культурном, политическом и других уровнях». Урсул выделил три стадии ноосферогенеза, на каждой из которых человеческое общество (социосфера) трансформируется соответственно в информационное, экологическое, космическое общество.

Информационное общество, или инфосфера, по словам автора, представляет собой результат «гуманистически ориентированного процесса информатизации» в глобальном масштабе, который может реализоваться в первые десятилетия XXI в. Процесс информатизации общества должен послужить не только повышению его интеллектуального потенциала, но и созданию материально-технической базы, необходимой для «появления совокупного «сверхразума» цивилизации, который поможет решить глобальные проблемы, реализует рационально-гуманистическую перестройку как каждого человека, так и общества в целом». Видимо, «сверхразуму» предстоит разрешать извечное противоречие между самоубийственным эгоизмом человечества и необходимостью ограничения его вожделений.

Экологическое общество (эконоосфера) – следующая стадия развития ноосферы, когда будет устранена угроза экокризисов и экокатастроф. Для этого нужно выработать такую стратегию взаимодействия природы и общества, когда информационные факторы превалировали бы над вещественно-энергетическими, а общество из информационного превратилось бы в информационно-экологическое. На этой стадии достигается органическая взаимосвязь «экологии культуры» и «экологии природы», гармонизация системы «человек – общество – природа». Разумеется, искусственный «сверхразум» человечества, созданный на информационной стадии, должен исполнять роль гаранта становления и развития эконоосферы.

Космическое общество (космоноосфера) – «качественно новое состояние человечества, которое может наступить в отдаленном будущем и которое будет основано на широком развитии производства за пределами планеты Земля и использовании космоса как ресурса и фактора общецивилизационного устойчивого развития». Это общество окажется межпланетной цивилизацией, значительная часть населения которой будет постоянно обитать за пределами Земли, используя для полетов в Солнечной системе новые поколения преимущественно безракетных транспортных средств. Космическое общество будет характеризоваться высокой «космической культурой», наиболее полной реализацией принципов гуманизма, нравственности и права.

Возможно, и даже наверняка, жизнь скорректирует «путь в ноосферу», предложенный А. Д. Урсулом, но уже сегодня есть основания увенчать его лаврами первооткрывателя новой научной дисциплины, которую он назвал *ноосферология*. «*Ноосферология* мыслится как междисциплинарное, интегративно-общенаучное направление научного поиска, выявляющее и изучающее закономерности и процессы становления сферы разума, возможности выживания и безопасного во всех отношениях, устойчивого развития цивилизации и наиболее полного воплощения гуманистических принципов и идеалов» [15. С. 76].

Поскольку предполагается на базе искусственного интеллекта создать такие информационные технологии, которые предотвратят «угрозу самоуничтожения человечества с помощью компьютерных средств» и смогут «предвидеть последствия, причем весьма отдаленные, крупномасштабных проектов преобразования природы и других результатов деятельности человека», очевидно, что ноосферология должна интегрировать в свое содержание все прикладные технологические дисциплины и фундаментальные теории, в предмет которых входит семантическая информация, машинная информация, математические теории информации.

Подведем итоги. Что такое информационное общество?

Анализ концепций показал, что фактически все исследователи будущего, во-первых, признают гипотетичность информационного общества (можно, следуя терминологии Жана Бодрийара, назвать все гипотезы *симулякрами*); во-вторых, грядущее информационное общество представляется в качестве новой (постиндустриальной, постэкономической, посткапиталистической) стадии цивилизационного развития

человечества; в-третьих, материально-технический, интеллектуальный и электронно-технологический уровень информационного общества должен значительно превосходить кондиции нынешнего индустриального общества.

Расхождения между авторами относятся к экономическим, политическим, социальным, культурным реалиям, которые непосредственно удовлетворяют ожидания и потребности граждан. Что же касается способа социализации виртуального симулякра, то, как зарубежные, так и отечественные теоретики шли двумя противоположными путями:

1) *технократический* путь, когда суть цивилизационного прогресса усматривалась в глобальном распространении цифровых и сетевых информационно-коммуникационных технологий, символы которых – Всемирная паутина Интернет и сотовая телефония; в связи с этим будущее общество называлось не только «информационным», но и «цифровым», «сетевым», «мобильным»;

2) *гуманистический* путь, когда приоритет отдавался не технологическому прогрессу инфосферы, а коренным преобразованиям общественного бытия и сознания, формированию Коллективного Интеллекта как сердцевины информационного общества.

В итоге получились два содержательно противоположных, но в равной мере правдоподобных выражения идеи информационного общества, характеризующих её как *идею-антиномию*. Напомню, что *антиномия* (греч. *противное закону*) – противоречие между двумя суждениями, каждое из которых считается в равной мере обоснованным или логически выводимым в рамках некоторой концептуальной системы (научной теории) [16. С. 117–119]. Можно предложить следующую итоговую формулировку: *Идея информационного общества – гипотеза-антиномия о постиндустриальном интеллектно развитом социуме, удовлетворяющем посредством машинных информационных технологий материальные и духовные потребности личности, социальных групп и государства.*

Что нас ожидает в будущем? Торжество технократии или победа гуманизма?

Технократический путь наверняка обретет мощную поддержку со стороны экономической и политической элиты, потому что он соответствует мировым тенденциям глобализации и имеет привлекательный масскультурный имидж. Вместе с тем существует опасение, что человечество станет заложником техногенной реальности, потому что «в сверхсложных нелинейных системах, каким является современное общество, отдельные рациональные решения в совокупности могут приводить к непредсказуемым и неожиданным результатам» и в итоге «рациональные, правильные решения рождают общий иррационализм» [17. С. 10].

Гуманитарии, безуспешно призывающие к осторожности и разумной сдержанности, по-видимому, окажутся в оппозиции к «калькуляторски-дегуманизирующей технологии» во имя сохранения природного и культурного наследия. Вслед за философом В. Н. Катасоновым они будут повторять прописную истину: «Сами по себе информационные технологии не являются злом. Зло – это утопические проекты, порождаемые ими в легковерных душах и легковесных умах. В сегодняшнем мире мы обречены использовать информационные технологии. Тем актуальней становится задача осознания их природы и границ» [18. С. 81].

Список источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – Москва : Academia, 1999. – 956 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна // США: экономика, политика, идеология. – 1982. – № 7–11; Он же. Третья волна. – Москва : Изд-во АСТ, 1999. – 784 с.
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. – Москва : АСТ, 2009. – 669 с. (Существует и другой вариант перевода заглавия. – «Сдвиг власти».)
4. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – Москва, 1994.

5. **Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность** / под ред. М. А. Вуса. – С.-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999.
6. **Копылов В. А.** Информационное право : учеб. – Москва : Юристъ, 2005.
7. **Зиновьев А. А.** Глобальный человек. – Москва : Центрполиграф, 1997. – 459 с.
8. **Дракер П.** Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Academia, 1999.
9. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – С. 165–216.
10. **Вернадский В. И.** Философские мысли натуралиста / сост. М. С. Бастракова. – Москва : Наука, 1988. – 520 с.; **Он же.** Научная мысль как планетарное явление. – Москва : Наука. – 272 с.
11. **Урсул А. Д.** Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). – Москва : Луч, 1993. – 275 с.
12. **Урсур А. Д.** Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. – Москва : Изд. дом «Ноосфера», 1988. – 500 с.
13. **Семенюк Э. П.** Устойчивое развитие общества и информатика // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 2000. – № 1. – С. 1–10.
14. **Семенюк Э. П.** Ноосферная перспектива человечества и информатика // Там же. – 2004. – № 1. – С. 1–9.
15. **Урсул А. Д.** Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). – Москва, 1993.
16. **Порус В. Н.** Антиномия // Новая философская энциклопедия. Т. 1. – Москва : Мысль, 2010.
17. **Кутырев В. А.** Любовь к мудрости на пороге Нового века // Вестник МГУ : Философия. – 1998. – № 3.
18. **Катасонов В. Н.** Технологии информационной цивилизации и мудрость книжной культуры // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – Москва, 2000.